

Пчеле, некогда жужжавшей вокруг меня...

Упасть на грудь, уткнуться носом в клевер, в султаны трав,
расцветенных зарёй.

Наступит день, когда взлохматит север последние папахи над корой.
Кора земная пахнет сном и храмом. Жужжит пчела. Скромна её печаль.
Пчелиный бог не сотворил Адама, и потому есть заповедь – «не жаль!».

Не жаль, пчела! Покуда цело жало – оно того не стоит.

Проживи

свой век в любви – на этом покрывале никто не умирает от любви.

Пусть страшен тот, кто не боится страха, из страха убивающий –
страшней.

Страшись таких, их туловище – плаха и на твоей земле, и на моей.

Уже не жаль ни мёда, ни отчизны. Жужжи, пчела! Всё прочее мертво.

Нет ничего, что стоило бы жизни, когда она не стоит ничего.

Цирюльник скоро сострижёт гирлянды, затрёт наш мир с его листвой до дыр.

Ни ты, ни я – мы не узнаем правды: зачем мы миру и зачем нам мир.

Моей Пенелопе

Циклоп и циклон помешали,

моя дорогая!

Дорога моя (вдоль портовых подворий да пёсего лая),
по-прежнему ставит сюрпризы в своей путевой антрепризе,

но я доберусь, невзирая на лица... на визы.

Мне местный визирь, он у них отвечает за транспорт,

за малую мзду дал согласие выправить паспорт.

Осталось команду набрать да спроворить в заливе триеру.

Я верю в тебя, и другой мне не хочется веры.

Так много воды утекло с нашумевших троянских событий...

В Египте искал я наш дом, в Иудее, на Крите.

Вот странное дело,

где был он – не знаю,

но, где бы он ни был,

к нему одному облака устремлялись, и мысли, и рыбы.

Увядший вандал, повидавший развалины Рима,

девица, воровка из гетто, с глазами налима –

моложе меня на столетья, однако давно опочили,

а мне всё до дома никак не дойти – будто гири на киле.

Я скоро.

Клянусь!

Потерпи – подлатать нужно днище...

Ты ждёшь, значит, я всё ещё не бессмыслен. И чище,

светлее мой день, моё море, мой гром, моё небо, мой ветер.

Наш дом – это ты, и покуда ты ждёшь, я бессмертен.

Четвёртая Езра

-1-

На рынке:

«быкам не дадут ни крошки -

это не рост, а отскок дохлой кошки...»,

«таки там появился какой-то Будда...»,

«таки что будет стоить мне ваше блюдо?...»,

«важно суметь дожидаться момента,

с первого дня елула - территория низких цен...»,

«полсикля за весь улов...»

На Блумберге,

из новостной ленты:

«В жертву принесут двенадцать козлов – по числу колен».

На рынке:

«опять возведут городские стены –

таки слухи, но камень подорожал...»,

«народ ждут перемены...»,

«это коррекция, а не обвал...»,

«понаехали! гнать их из Ханаана!...»,

«сказано, выплатят дивиденды...»,

«таки выживет снова отродье Хама!...»,

На Блумберге,

из новостной ленты:

«В двадцать третий день месяца адара

шестого года Дария

закончилось строительство Храма».

Кризис пошёл на убыль. Открылся фрактал.

Котировки потянулись на север.

Доходность доверья упала в цене.

Надежды - только ленивый не покупал,

и это было по мне.

Народ стал забывать о плене, как страшном сне,

об ассирийских наветах, о мраке враждебных планет.

Но это не время лечило. Не время, а эйфория.

Потом, когда без светила, словно безглавая выя,

весь в тучах исчез последний рассвет Иудеи,

уже через сотни бед, я прочитал на Блумберге,

медленно,

по слогам,

что древние-древние римляне вторично разрушили Храм.

Задумался. Трудно всю жизнь вспоминать.

Еду. В наушниках у соседа

вращается Леди Гага.

Под поступь трамвайного иноходца

малёк с игрушечным пистолетом

расспросами мучает мать.

– Мама, мы с бабушкой жили в Праге?

– Жили, сынуля.

– А почему на землю не падает солнце?

– Оно на небе варит конфеты.

– А, правда, что небо – улыбка Бога?

– Когда нет дождя.

– Мама, когда немеет нога – это под кожей колгота надета?

Мама, ты будешь всегда?

Мама,

а что значит «гетто»?..

-2-

Декабрь. Небо. Звёздная цинга.

Рвут календарь, как рвал одежды Ездра,

да бьются в двери падшие снега,

чтоб научились говорить подъезды.

Пустынно в них. Не жди и не зови.

Не место здесь иноплеменным жёнам,

плодам твоей языческой любви,

что ты забрал с собой из Вавилона.

Пустынно в них и гулко, как в метро

от чёрных дыр, и все они на плане

ведут в одно, последнее, депо

за циферблаты в зале ожидания.

Грызёт всухую холод сухари.

Мой храм – подъезд из тишины и смога.

Идут к нему левиты-фонари,

и мнится им, что освещают Бога.

-3-

Где-то строил, что-то сажал, кого-то растил – всего понемногу.

Пережил две эпохи. Ни с одной из них не научился шагать в ногу.

В первую – доверял всем, но не верил в какой-то Логос

с его устаревшим слогом. Во вторую – наоборот.

Раньше воспринимал глазами, ныне – лучше ушами.

Слышу, как время идёт.

Я слышу склянки – всему своё время. Моё - подходит к концу, хотя ледок ещё тает да скатывается по лицу.

Плачу за любовь, за дружбу, за веру в свою страну, за то, что сердце всё помнит, а мучается, потому как прошлое неподвластно ни времени, ни уму.

Никак не устанет ветер среди человеков полоть.

По счастью, жива ещё мама.

На площади «Итого»

чужие огни гуляют, сугробы играют в го.

Раскинулась панорама, но нет там, спаси, Господь! –

последнего, третьего, Храма,

ни нашего, ни моего.

Письмо другу. Поздний октябрь

Закончилась эра. Чувства вразброд слоняются на пепелище.

Идёт пять тысяч семьсот (от Сотворения Мира) семьдесят третий год.

Ну, здравствуй, дружище!

Что нового в нижнем эдеме? Жизнь по известной схеме – время линчует время.

В пропитанном кознями колизее, чтоб лес не рос до небес, всему есть число

и мера. В столицах вымерли гулливеры. Надежда склоняет к измене веру (попутал, должно быть, бес!). Гуигнмы рожают одних лилипутов.

Вместо слова «прекрасно» имеет хождение – «круто».

Интернет переполнен коричневым ором, реальность - серым молчаньем, массмедиа – жёлтым декором. Из гроба повыползла плесень.

Воскресшие мухи Сартра. Выспались и со старта клянут инородцев хором

от даты рожденья Адама (первого марта) до листопада, и далее, и опять – по самое первое марта. На этом фоне чувствую себя жителем Вавилона.

Готов поклоняться Маме или любой другой языческой силе,

лишь бы не было ничего общего

с этим вот илом.

Готы, эмо, скины, вандалы – кто их раскраску теперь разберёт? – по весу, в обмен на презренный металл, сдают погребальные урны.

Детишки на стенах рисуют руны (это бывало и раньше): икс, игрек и дальше,
сам понимаешь, – не зет. Преобладает повсюду
математический менталитет.

Надеюсь всё же, что, как ни силён Атила, холод гуннов сведёт в могилу.
Потом, быть может, отстроимся вновь. Это я так. Про любовь. Скорее
всего,
по привычке, ведь смысл фотографии – в птичке, что некогда в миг
фотовспышки взметнулась...
чтоб помнилась юность.

Что нового в наших садах? Прах он и в Мекке – прах. Что мыслится – то
и есть. А, стало быть,
есть и тени у мыслей, как формы плоти со склонностью к
самосожженью. Куреньем мой слог пропах.
Из области сердцебиений ползу на коленях в прах. Осталось тоски – на
взмах.
Да женщины взгляд олений.

В пространстве, покрытом сажей и гибнущим первым мелом, безглазые
линзы глаз
слезятся, морщинуется тело, ничто не рождает огня. По многим
отшелестела
осенняя простыня. Зеркало смотрит в меня. Как Каин. Как Авель.
Зеркало – философский камень, камень за пазухой, просто камень...
Аминь! Или как там у греков? –
Амен!

А ветер сегодня похож на елей. Он пахнет оливой, да только светлей от
снега, что тянется из-за гор,
где ты обитаешь, наш век и века, где, брови сдвигая, плывут облака, где
миг фотовспышки длинней,
чем века, и я не стою над разбитым корытом прошедшего, богом
нешадно забытым...
До встречи в твоих небесах, дружище, мой друг, старый друг...
Пока!

Постскриптум.

Во всём есть число и мера – ионы небытия. Течёт за водой вода, но
помню тебя всегда,
что странно на первый взгляд, ведь виделись мы с тобой
не меньше трёх войн назад.